

ПОРТРЕТ АКТЕРА

НА ВЕЧЕРЕ
Р. Н. СИМОНОВА

Еще задолго до репетиций «Принцессы Турандот» Вахтангов говорил своим ученикам:

— Легкость должна стать основной стихией спектакля. В нем не должно чувствоваться усилий и труда тех, кто работает на сцене, в нем не должно чувствоваться «актерского пота».

Рубен Николаевич Симонов — один из тех вахтанговских учеников, который эти слова своего учителя понял не только применительно к «Принцессе Турандот», но положил как принцип в основу своего актерского искусства.

Его искусство отличается отсутствием «пота», против которого так горячо протестовал Вахтангов. На сцене он необычайно легок и абсолютно свободен. Внутренне и внешне. Эта свобода открывает ему большие возможности. Она является тем прочным и верным фундаментом, на котором актер может строить любое здание без страха, что оно обвалится.

Разве можно было бы создать такие образы, как Труффальдино, как Папалоне, без этого ощущения свободы, которое никогда не покидает Симонова во время творческого акта?

Симонов не только всегда свободен. Он всегда выразителен. В своем творчестве, как справедливо заметил на вечере его творчества т. Крути, он пользуется острым театральным языком.

Симонов вооружен богатым арсеналом средств театрального воздействия, которое он пиетно и умело пускает в ход. Симонов знает много полезных и необходимых для театра вещей: он знает музыку, он работает в области балета и пантомимы. Его игра всегда пластична, формально закончена, всегда подчинена четкому музыкальному ритму.

Многие могут упрекнуть Симонова в некотором «легкомыслии». Дескать, образы его страдают отсутствием внутренней глубины, насыщенного психологического содержания.

Действительно, симоновские образы не потрясают ни силой, ни особенной глубиной, не вызывают бурных эмоций. Сильные страсти — не симоновская стихия.

Этот актер до конца спектакля, в котором он может играть даже не комическую роль, где-то в глубине, в складках губ тисцено силится спрятать добродушную, слегка ироническую улыбку.

В этой добродушной проныре — секрет его обаяния, но в ней, пожалуй, — и точилки его неудач. Вспомним хотя бы его Вурма («Коварство и любовь»). Здесь симоновское добродушие обернулось против него. Он не сумел разбавить свою мягкую иронию теми каплями желчи и яда, без которых этот образ получается беззубым. Симоновский Вурм при всей его внешней, почти скульптурной, выразительности внутренне не убедителен, а главное не достигает цели: он не вызывает у зрителей ни гнева, ни возмущения.

Для своего вечера в Клубе театральных работников Симонов выбрал стихи Пушкина, Лермонтова, Асеева, Сельвинского, Камenskого, отрывок из «Гамлета» (Клавдий) и из комедий Мериам («Карета святых даров»), где показал один из своих лучших, законченных и остроумнейших образов — вице-короля.

Е. НАНН

Воскресная
Минута
492.19332